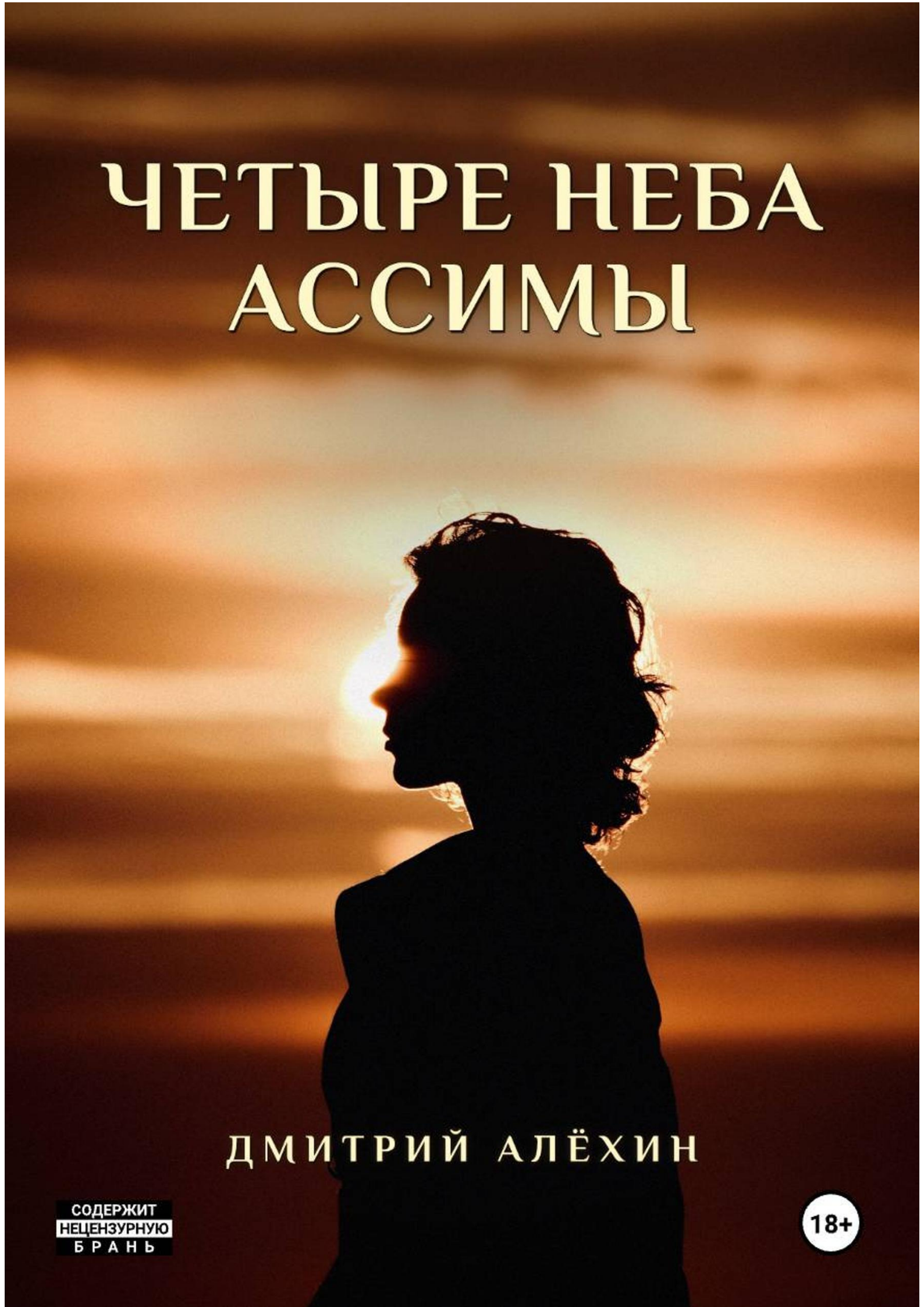
ЧЕТЫРЕ НЕБА АССИМЫ

ДМИТРИЙ АЛЁХИН

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

Дмитрий Алёхин

Четыре неба Ассимы

«Автор»
2026

Алёхин Д.

Четыре неба Ассимы / Д. Алёхин — «Автор», 2026

Королевство выбрало свой путь. Политика без правил. Союз человека и магии – опасная партия. Принцесса-интриганка делает свой ход: склоняет на свою сторону новых приверженцев и нанимает в телохранители девушку-воина – боевого мага королевства с неоднозначным прошлым. Этому дерзкому тандему предстоит столкнуться со скрытыми силами, наёмниками и самым трудным испытанием – ужиться друг с другом. «Четыре неба Ассимы» – самостоятельный однотомник в жанре взрослого реалистичного фэнтези. Повествование от первого лица, неоднозначные герои, сложные решения.

© Алёхин Д., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Долгая ночь 5
Глава 1. Ставка 9
Глава 2. Капкан 14
Конец ознакомительного фрагмента. 19

Дмитрий Алёхин
Четыре неба Ассимы

Пролог. Долгая ночь

Горячее фырканье лошадей разбавляло прохладную и плотную темноту между стволами. Кроны лениво касались друг друга, стесняясь, покачиваясь от ветра. Под чёрно-зелёной высотой то и дело протягивался древесный натянутый треск, уходящий едва уловимой вибрацией в почву.

Стреляющий костёр окружали несколько силуэтов. Пахло дымом и мокрой корой. Коренастый мужчина и высокая женщина, устроившиеся на поваленном бревне, выделялись накладками из твёрдой кожи на плечах и торчащими у пояса гардами. Ещё двое в портах перевешивали на безопасном от огня расстоянии промокшее снаряжение и одежду. Напротив, на проступающих корнях старого дерева, пара молодых примостились перед тронутым проседью воякой. Он тыкал веткой в грязь, откидывая листву с иголками и очерчивая условными знаками их расположение и ближайшие окрестности.

– Добротный крюк, Эйдр, – произнёс парень с кривым носом и поднялся. – Могли бы давно к Остикам выйти.

– Такие идиоты, как Бальт, – седой показал пальцем на встающего, – долго не живут, так что смотри и слушай дальше.

Оставшийся вздохнул и послушно уставился вниз.

– Вот речушка, – продолжил размеренным тоном Эйдр, проводя линии. – Тут большак. Видишь? Передохнули и ушли полем. Понятно, почему кони здесь?

Тот кивнул.

– Командир. Дождь будет. – Коротко стриженная женщина, зевая, потянулась. – Звёзд совсем не видно, и ветер сменился.

– Переживёшь. Натяните ещё вот там. – Он пнул обвязанный тюк. – И лошадей перевяжи.

Подошедший Бальт, бубня себе под нос и стряхивая с головы падающую иссохшую хвою и насекомых, занял пригретое место боевой подруги. Тронул за локоть коренастого:

– Помнишь тех двух молодых днём? Чистые. А тела... как песочные часы в корсажах. И что, Тейти́н? Пока мы здесь мёрзнем, там их небось согревает кто попало? На постоялом дворе-то.

– Такие кому попало не отдадутся. Тем более такому выродку, как ты, – ответил спокойной хрипотцой сидевший рядом и кинул в пламя выпавшее полено.

– Ну, спрашивать бы их я точно не стал.

– Если неймётся, испытай себя с Тари́ной. – Он кивнул в её направлении.

– Смерти моей хочешь?

Тейтин молча пожал плечами.

– Так значит, – подошёл молодой, – вы завтра в Остики?

– Я и Инок, – Бальт указал в сторону дозорного, показавшегося в двадцати шагах, – да. Ты же слышал командира про то, чтобы вместе в поселения не заходили? Нас девки и выпивка ждут. А вы валите назад по большаку.

– Ты как? – Воин в наплечниках всё косился на юнца. – Не отпускает ещё?

– Дурно. От себя самого. Тем более вернуться к той деревне... Убитые в повозке наверняка местные, судя по одеждам.

– Указания были чёткие по поводу второй телеги, малой, – отрезал вставший рядом командир. – Получишь монеты и подумай перед тем, как возвращаться ко мне. Нам нужен тот, кто о деле думает, а не о содеянном.

– Нелегко бывает, – приглушённо добавил Тейтин, ковыряя палкой меж поленьев. – Но ты жизни уже отнимал, ничего не поменялось.

– В бою. А не так... – выдохнул молодой. – Старые боги всё видят.

– Если хочешь быть одним из нас, лучше научись оставлять сомнения где-то далеко. И про богов забудь. Здесь им нет места.

– Вес кошеля, я считаю, – подытожил Бальт, – единственное, что должно быть тяжёлым. Уйдёшь, никто тебя искать не будет. Раз не твоё. Мы ж не звери какие-то. Главное, чтобы не высовывался нигде. Правильно, командир?

Эйдр вернул взгляд к костру, прежде всмотревшись на несколько секунд в чащу, откуда послышался сухой треск. Взял арбалет, прокрутил лебёдку. Поднял руку и направился в темноту.

Силуэты у огня затихли, прислушиваясь к шорохам.

Старый воин замер у кромки тьмы. Высокий ветер спускался всё ниже, покачивая массивные сосны и дубы. Тепло сменилось влагой в ночной дымке и ломаными холодными тенями. Дозорный слева остановился, ожидая указаний.

Бальт, сделав небольшой крюк справа, вернулся к седому:

– Никого.

Тот недолго помолчал, видимо, вслушиваясь. Затем махнул дозорному, подзывая:

– Веток собери покрупнее. Я послежу тут. Дальше по двое дежурим... Огонь держать сухим надо. А до восхода двинемся.

Вскоре среди моросящих капель, которые едва добирались до земли, отряд распределился под натянутыми тентами. Просушенное снаряжение несколько человек прибрали к себе, укутываясь вместе с оружием в одеяльные мешки. Другие поправляли подстилку из рогожи и лапника и укрывались промасленной тканью. Эйдр, спустив тетиву, прижал арбалет к груди, устало привалившись спиной к кряжистому стволу.

Часовые сменились.

Женщина-воин уселась в отдалении, укутавшись в епанчу, прогревая пальцы над тусклым чадящим жирником. Прерывистый храп, смешивающийся с далёким переступанием копыт, сглаживался ритмичным шлёпаньем тяжёлых капель по навесу. Спустя некоторое время шум дождя, бьющего по листьям и сбивающего иголки сосен, заглушал любые звуки уснувшего лагеря.

С противоположной от лошадей стороны стоянки, там, где подъём на склоне был более крутой, между линиями торчащих гладких корней, смешиваясь с ручейком дождевой воды, стекала чёрно-бордовая кровь убитого в дозоре.

Где-то рядом, на дереве, был горизонтально закреплён продолговатый походный ранец; его контуры угадывались под обмотанной вокруг него и ветки пепельной тканью дорожного плаща.

В двадцати шагах отсюда Тарина всматривалась в полумрак у костра, может, ожидала увидеть там напарника по ночному дежурству, не вернувшегося с обхода. Хруст упавшей ветки сзади привлёк её внимание и заставил резко обернуться. Успей глаза привыкнуть к темноте, она наверняка бы среагировала раньше на вынырнувший перед ней силуэт. Но рот уже был сжат чужой ладонью, а хрип перерезанного горла потонул в шуме ливня.

Чёрная тень, сжимая челюсть и придерживая затылок мёртвой, аккуратно уложила ту наземь. Подобрав кинжал, спрятала остриё за запястье и отползла, сменив позицию для последующего нападения.

Отсвет обнажённого короткого меча, забирающего жизнь спящего, скользнул куда-то в сторону, и через мгновение раздался гром, усилив поток падающей с неба воды. Первым очнулся Инок. Что-то мыча спросонья, он завертел головой, шаря взглядом по стоянке.

Женская фигура, прижимая коленом тело его товарища, уже убирала руку от расслабленного рта лежащего и, повернувшись к внезапно вскочившему слева Иноку, выхватила кинжал-рондель и прямым броском отправила в грудь завопившего разбойника.

Недолгий крик пробудил остальных. Пахнуло горячим железом.

Кони всхрапнули и заплясали на привязи.

Молодой парень судорожно замолотил пятками по подстилке, стараясь отползти назад, выбираясь из мешка. Подвернув ногу, вскрикнул и скатился в темноту.

Командир, сбрасывая плащ, принялся взводить арбалет, попутно перенося вес на колено. Бальт схватился за фальшион, готовя боковой удар. Тейтин вытаскивал из ножен длинное лезвие.

Склонив лицо к земле, прикрывая от косого ливня, девушка вытянула из шеи убитого окровавленное оружие. Поднялась, распрямляя ноги и спину. Время словно завязло в прозрачном мокром мёде, озаряемом неестественно долгими вспышками света перед раскатистыми ударами грома. Полуночно-серый пурпуэн стягивал её талию, будто вторая кожа. На ней слегка поблёскивали грани ремешков портупеи на груди. У низа живота и вдоль облегающих шоссов на бёдрах выделялись контуры грубых защитных вставок. Тугой хвост тяжёлых волос на затылке качнулся в сторону.

С натужным рыком, прорывающимся сквозь ускоряющееся падение капель, Бальт ударил сталью о сталь. Тень отбила попытку. Искры прыснули от касания клинков. Сапог впечатался ему в грудь. Бальт отпрянул и повалился на бок.

– Дрянь! – Тейтин схлестнулся с напавшей.

Лязг.

Короткими, расчётливыми шагами она оттесняла его, загоняя к упавшему у костра. Разворачивая. Воин дёрнулся в контратаке, сделал выпад и переместился, заходя за спину убийцы.

Та же, сократив дистанцию до встающего на ноги, поймала замахивающееся запястье, дёрнула на себя и вонзила обратным хватом клинок в ключицу. Отпустив, ударила по навершию, вбивая остриё глубже. Через секунду, вцепившись в гарду, высвободила оружие из обмякшего тела и сразу же подставила в развороте лезвие под размашистый удар Тейтина. Отведя атаку, перешла в присед, оставляя меч направленным снизу вверх к просеменившему по инерции противнику.

Послышался хлёсткий щелчок, и в ту же долю секунды мокрый воздух свистнул. С коротким стоном магичка судорожно выгнулась назад и вбок. Болт глубоко вонзился в правую лопатку, застревая где-то в кости. Хват мгновенно ослаб, заставив её выронить меч и потянуться к прикреплённому на поясе карману-мешку, который просвечивался изнутри оранжевой пульсацией. Сталь ещё не успела коснуться грязи под ногами, как левая кисть храмовницы взлетела, вытянувшись к седому. Пальцы сжались ребром, а большой и указательный поднялись кверху. Ладонь провернулась книзу, затем веером раскрылась в направлении цели и тут же яростно схлопнулась в кулак. Пространство вокруг жертвы, вторя жесту, с треском нырнуло внутрь – мгновенное давление сжало тело Эйдра вместе со снаряжением, разрывая его и перемалывая кости в плотном узле свернувшегося куска мяса, который тут же прорвался наружу брызгами плоти.

Тейтин отступил на шаг и застыл в защитной стойке, будто прирос. Промаргиваясь и утираясь рукавом, он пытался пробить взглядом пелену дождя. Водя лезвием влево. Вправо.

Никого. Губы дёргались беззвучно. Глаза метнулись к тому, что осталось от Эйдра, и обратно к собственному клинку. Костяшки побелели.

Внезапно от огня ему в лицо вылетело горящее полено. Тень, прижатая к земле за шипящими углями, среди трупов, вынырнула, огибая суетливое падение длинного меча сбоку, и одним точным ударом вогнала подобранный кинжал под ухо, до рукояти.

После этого девушка бессильно рухнула вместе с грузным телом противника.

Лёжа на мёртвом воине, она вяло упёрлась ему в грудь и перевалилась в сторону, лицом вниз. Торчащее древко болта вздрагивало в такт выравнивающемуся дыханию.

Спустя несколько минут, подтянув ноги и согнув их в коленях, Капкан медленно села на пятки. Обшарила глазами стоянку и задержалась на примятых кустах рядом.

Всю долгую ночь сбитые о камни и корни конечности сочились кровью, оставляя грязные следы. Изнурённый, безоружный, с повреждённой ещё у лагеря лодыжкой, выживший двигался к поселению.

Он не оглядывался, а стоило бы.

Лес редел проблесками меж стволов. Ливень кончился прежде чем между кронами показался рассвет. Вжимая голову в плечи, парень опёрся на одно из последних деревьев перед ручьём. Запыхавшийся до хрипа, он осмотрел десятки домов впереди, редкие огни постоялого двора, силуэты людей.

Ледяная неспешная вода смыла грязь с босых ног. Упорно ступая по скользкому плитняку к своему спасению, истощённый беглец замедлился посреди скального плёса и обернулся, заслышав короткий свист.

Вскинутая левая кисть. Пальцы ребром.

Воздух взвыл, втягивая в себя брызги. С тяжёлым влажным хлопком – плоть, кости и скальная порода под ступнями – всё резко стянулось в единую точку и разорвалось коротким провалом в пространстве, растворяясь глухим отзвуком. Багровая каша осыпалась на свежую воронку глубокого затона.

В воде ручей уносил мутно-алое небо Ассимы.

Глава 1. Ставка

Помню, стояла здесь ещё маленькой, тянулась сквозь кованые завитки решётки к тому горному хребту. Он точно был массивнее и ближе. А воздух – прозрачнее, может, чище; без лжи, без насилия. Этот едкий смрад застревал теперь где-то над крышами архитектурных контрастов. Прокуренные хибары чередовались с бесцеремонно торчащими особняками. Закатные лучи красного солнца подрезали их фасады, одаривая лиловым багрянцем.

Терраса полукругом охватывала всё здание, расположенное на выступе, нависая над рыночной площадью. Я сидела на корточках, прижавшись грудью к коленям и упёршись лбом в шершавое железо прутьев.

С каждым годом моих невнятных попыток что-либо изменить – мир всё больше терял редкие краски дня. Проваливался в долгую ночь. А я, наивная, полагала, будто кулуарная дипломатия наконец принесёт свои плоды.

Гомон торжества из распахнутой сзади двери сбил с мысли.

– Со временем, – выдохнула я сквозь ограждение.

– Вы что-то сказали, ваше...

– Пшла прочь!

Замок прикрытой створки, ведущей с террасы на площадку второго этажа, послушно щёлкнул.

Там, у тёмно-синего горизонта, за краем воды, над далёкими землями уже стоял новый день.

Расставив ступни чуть шире, я поднялась, попутно отряхивая рыжую пыль с ладоней. Разгладив рельеф вышивки, поправила кюлоты из тонкого сая. И, размяв плечи, вытянула руку к небу, раскрыв бутон сомкнутых пальцев. Первые звёздочки уже проявлялись, будто трещины на стенках хрусталя. Кончиком ногтя я заслонила один огонёк, как если бы едва коснулась его. Привычная мягкая дрожь спустилась по коже к шее, ключицам. Трепет, сопровождаемый прохладным ветерком, пробежал по плиссировке шёлка, нырнул под ремень к бёдрам и добрался до пяток.

Я ещё раз оглядела уходящие вниз районы города, до самого порта, а после развернулась и вошла в угловой проём, откуда начинались коридоры над парадным залом, что гудел сейчас, словно осиный улей. Он был набит местной знатью, завёрнутой в бархат, сновавшими взад-вперёд слугами с подносами и несколькими озадаченными личностями в цветастых шаперонах, выяснявшими что-то критически важное у стражи.

Вдоль начищенных перил я лёгкой поступью приближалась к вычурному гобелену. Он висел напротив широкой лестницы, которая поднималась сюда и расходилась в обе стороны. За ней – рабочие и личные помещения наместника.

На полотне высились массивные мачты корабля, несущие огромные квадратные паруса, надутые ветром. На их верхушках развевались длинные узкие вымпелы флота Бо́рго-Ваа́ля. И, конечно, ни геральдики, ни стягов столицы королевства. В углу была выткана упрощённая карта со схематично расположенными островами и материковой частью, между которыми чередовались золотые, багрово-красные пунктиры маршрутов.

С тумбы балюстрады я забрала почти полный серебряный кубок. Сделала пару размеренных глотков. После, прижав левую руку к груди, мягко подпёрла ею правый локоть, устроив чашу натёртого металла у губ.

– Буду ждать, милочка. – Мужчина с сальными и редкими волосами придвинулся ближе к молодой невысокой служанке. – Только недолго.

Та с опущенным взглядом играла недотрогу, испуганно замерев, но не смея отступать. Плешивый же, лишёнными плавности движениями поднёс кисть к немалому вырезу платья,

едва коснувшись пальцами бледного участка кожи. Девушка затрясла головой, зажмурившись. Тот тронул её плечо, подавая знак шагнуть в сторону, и сам, с медленным кивком, чуть отстраняясь боком, пропустил двух особ, спешно поднимавшихся по лестнице к балконной зоне.

Ровéна, не стесняясь в выражениях, с рваными вздохами встревоженно жаловалась приближённой на моё неподобающее поведение. Спутница поддакивала. Её платье-блио было с явно тугой шнуровкой по бокам. Вскоре их догнала ещё одна, кажется, знакомая мне персона.

Я аккуратно отклонилась. В этой суете они больше походили на семейку диких кабанов, проламывающихся сквозь кусты от одного дерева к другому, чем на моих дальних родственниц. Пронеслись мимо, то и дело взвизгивая, буквально проминая половицы. Я открыла глаза, когда потоки воздуха перестали шевелить мне волнистую прядь у лица.

Мужчина же двинулся по ступенькам, игриво присвистывая в такт своим шагам. На левой щеке у него белели два заживших пореза.

Девчушка подняла подбородок, выдохнула и осмотрелась. Она с полминуты изучала пустую поверхность тумбы, прежде чем её окликнул пробегающий к террасе мальчишка-служка.

Я проскользнула в удачно распахнутую тяжёлую створку. За ней, проходя по выцветшему, истоптанному ковру, я оглядела латную броню на стойке; по левую руку – застеклённые витрины с парадным оружием. Вот справа сгорбился над пюпитром сонный писец со сползшими на кончик носа очками с костяными дужками. У следующего поворота очередной подавальщик перекладывал тарелки с подноса на тележку.

Наконец, подойдя к широкому открытому проёму, я остановилась, заглянув внутрь. В центре находился небольшой прямоугольный стол из морёного дуба на несколько персон. Слева за ним уютно потрескивал в полумраке камин. Там, в кресле на полозьях, сидел Аккáрд, лицом ко мне. Смотрел вперёд, мутно и рассеянно. Напротив пустовал стул с резной высокой спинкой и обивкой. Я обошла массив из тёмного дерева, проводя пальцами по отполированному покрытию. Упёршись ягодицами в край, с лёгкостью оттолкнулась от пола и бесшумно уселась сверху.

Ухоженный старик с повадками ушлого торгаша. Тяжёлый тёмно-синий камзол с точечной расшивкой прикрывал выпирающее на шее дорогое кружево. Время заострило его высокие скулы и тонкие губы. Короткая бородка уже давно побелела.

Я громко опустила кубок на гладкую поверхность, отпуская металл. Звук вольно разлетелся по комнате.

Наместник дрогнул, остановил отрешённое качание. Насторожившись, приподнялся. Кустистые брови зашевелились, и взгляд наткнулся на возникший из ниоткуда одинокий предмет.

Дождавшись направленного внимания, я сомкнула кисть в привычном жесте, сняв скрывающий меня покров. Словно белая трещина на стекле, предстала перед резко наведёнными на меня глазами старика.

Тот вскрикнул и повалился назад в кресло. Хлипкий каркас тут же надломился, и Аккард рухнул боком к дерзким языкам пламени.

Я скрестила голые лодыжки. Ждала.

Обернувшись и пятясь ползком, он упёрся в стойку с книгами, на которой шатнулись астролябия и шандал с оплывшими свечами. Вскочил настолько быстро, насколько смог, придерживая грудь. Потом опрокинул полку, отступая и лихорадочно озираясь. Рукописи осыпались.

Он вжался в угол комнаты, суетливо посматривая то на дверь справа, то на меня. Пошарил вокруг руками в поисках опоры, но на очередном повороте остановился, наконец сообразив, кто перед ним.

Опираясь на ладонь, я выглядывала исподлобья, ловила подходящий момент.

– Ле... – Аккард прочистил горло. – Лери́лия?!

Поднося кубок к носу, потянула губами вяжущее вино. Глоток. Второй.

Он вперился в меня. Спотыкаясь о твёрдые переплёты, сделал шаг в мою сторону, чуть пригнувшись.

– Определённо, – подтвердила я.

Затем приподняла правую ногу и, вдавив подошву в сиденье, толчком развернула вбок. Указала присесть:

– Тебе стоит успокоиться, дядя.

– Но как... Это магия Храма?!

– Думается мне, ты знаешь больше, чем любой другой в этом треклятом городе. – Я говорила ровно, не торопясь.

Его брови то приподнимались, то опускались, а взгляд хаотично метался по полу, словно выискивая решение среди устроенного бардака. Видно, так же, как и я, прикидывал следующий вопрос и ответ.

Отрицать было нельзя, нет.

Старик погладил бородку:

– Ты одна из них...

– Храмовники переговоры не ведут. Я сама по себе.

– Значит, слухи о новой магии всё же были небеспочвенны...

– Скорее намеренны. Для сдерживания амбиций. – Я подтянула правое колено к груди.

Послышались скорые шаги из коридора. Знакомый топот. Аккард несмело выпрямился.

– Прибери это с лица. – Я обвела пальцем овал перед собой. – У меня предложение союза. Если ты настроен на конструктивный диалог, максимум, кого я готова терпеть ещё в этой комнате, это слуги, изредка приносящие чего поинтереснее из твоих запасов. Мы ведь просто пропустили по чарочке да травим байки, как и прежде? Держи это в уме через несколько секунд.

Он оценил меня с головы до ног. Под этим вниманием я поправила укороченное ярко-красное сюрко поверх белоснежной шёлковой камизы, края которой демонстративно выбивались из боковых разрезов вплоть до самой талии. Там их стягивал широкий пояс. Ремешками на нём был пристёгнут тяжёлый мешочек. У щёк аккуратные пряди спускались до подбородка, скрывая заносчивую улыбку и «хищный взгляд», если верить словам моей новой спутницы. Я бы ограничилась лёгкой безуминкой, не более.

Старик робко расправил ткань ворота и потянулся к одному из фолиантов, может, пытаясь навести порядок или выискивая особенный.

– О боги, дядя! Оставь, – я мотнула головой. – Всё равно не буду читать, даже если найдёшь!

Аккард покосился на вбежавшую прислугу и покрасневшую от недовольства дочь. Шаркая подошвами по украшенным корешкам, он, подыгрывая, прошёл ближе и сдержанно рассмеялся:

– Ох! Прости за это... К такой крепости следовало захватить закуски.

– Отец!

– А вам тут что? – Наместник обернулся к двери.

– Она заявилась на...

– Солнышко, твой визг, – мне вновь пришлось её перебить, – больно резок.

Я спешно соскочила на пол, тихо фыркнув, и направилась в сторону поставца у стены. Здесь теснились серебро, резной сердолик и плоская сулея из мутного стекла. Ухватив золочёный кубок, повернулась спиной к кузине, неуклюже пританцовывая, крутанулась, всучила его дяде и подтолкнула того к столу.

Слюна слетела с губ Ровены, как у псины. Она попыталась что-то добавить, но вовремя умолкла.

– Будет вам, девушки! – хмыкнул Аккард, разглаживая морщины. Повинуясь, опустился на сиденье. – Не забывайся, дочь, пока своё и наше настроение не попортила! Иди развлекайся да про гостей не забывай! Ступайте все...

Наперсница недолго подёргала обиженку за край наряда. Выдержав паузу, обе, не без тихих и грязных проклятий, в сопровождении служки поспешили прочь.

В дверях осталась лишь пышногрудая молодая служанка с вызывающе прямой осанкой и дерзким, хорошо знакомым мне прищуром. Милое личико, острый зуб. Дождавшись строгого внимания, она помедлила и опустила подбородок:

– Вина? Угощений изволите?

– Что же... Изволим, надо полагать, – согласился хозяин дома и отпустил прислугу. После сцепил пальцы в замок и поставил локти на стол. В ожидании и глухом сомнении.

Подойдя к высокому окну, я сложила руки на груди, прислонилась плечом к стене. Снаружи, где-то внизу, верхний район отходил от дневных приличий. Группы гостей, видимо, из тех, кому было мало светских сборищ, заполняли открывающиеся в этот час увеселительные заведения, рассчитанные на разного рода утехи, в зависимости от тяжести кошеля.

– Моя способность определённо уникальна, – начала я. – И да, магия, рождённая в горах Хари́т шестнадцать зим назад, несёт не только светоносные молитвы новой религии, которыми кичатся храмовники на публику, но более физическое воздействие. Не дар народа ивéйн и не забавы китéри, а оружие, которое в умелых руках скоро погубит многих, пожалуй, больше чем хотелось бы.

– Людей? Ты хочешь сказать...

– Война. – Я обернулась.

Он смотрел. Не отрываясь. Попросту не расслышав отчаянный стук кольца-стучала по дубовой створке. Может, ждал, что рассмеюсь или подмигну, но на моём лице не было эмоций: только констатация.

Не разрывая короткого немого поединка, бросила в сторону входа:

– Можно!

Выждав, я приветливо улыбнулась входящей. Та вкатила тележку с чем-то тёплым и ароматным. Отдельная тарелка с покрытыми янтарным отливом фруктами так и манила. Девчушка налила терпкого напитка, подставила ближе угощения. Затем тихо закрыла за собой дверь, оставляя нас наедине.

Я вернулась за стол и жадно набила рот сладкими дольками яблок.

Наместник проводил взглядом новенькую работницу. После чего, откусив небольшой кусок мяса, накрыл блюдо и отставил его от себя. Кажется, аппетит у него поубавился.

– Шмелая... – прошамкала я. – Мне нравится!

– Продолжай, ваше высочество. Прошу.

– Корона А́трима жаждет, – я прожёвывала кулинарное чудо, – выступить против Восточного королевства. Это был вопрос времени и возможностей. Как удачно, что теперь у человечества появилась магия, да?

Аккард сощурился. Молча плеснул вина.

– Только для такого хода, – я продолжила, – требуются верные соратники, способное войско, отупевший народ. Пока Храму нужны ресурсы, он доит столицу, она же переключается на отбившиеся от подола платья земли. Для сплочения под едиными знамёнами и религиозными воззваниями.

– Отбившиеся? Разве есть причины королю и совету сомневаться в преданности королевства?

– Ахах! Ты ещё не понял, почему я здесь? – усмехнулась я, на мгновение расслабившись от прилива короткого удовольствия. – Мало кто из правителей трёх земель устраивает корону

своим существованием. Вас перебьют как собак во сне раньше, чем вы договоритесь между собой в этих бесполезных порывах выступить сообща против короля.

– Много ли ты знаешь о моих стремлениях, о намерениях Миде́рхи и Орто́вы? – От волнения у него заходили желваки.

– О, определённо.

Я отставила кубок и, коснувшись ладонями деревянного массива, заставила его плавно исчезать вместе с частью моих рук в прозрачное ничто. Поблёскивающие переливы обволокли кожу и рассыпались, расходясь по воздуху и самой материи. Сквозь столешницу проявились мои скрещённые ноги. Расплывающиеся угощения уносили с собой из осязаемой реальности наместника запахи, образы, а затем и воспоминания о том, как есть. О том, как глотать.

– Что это! Проклятье... – прохрипел он, поперхнувшись собственной слюной. – Останови!

Аккард отпрянул и, вскочив, стал промаргиваться, хватаясь за голову. Едва эманация дошла до моей шеи, я отпустила контроль.

Всё проявилось, обретая отчётливую форму и краски. Вплелось заново в мысли, напоминая о себе.

– Я следила за всеми вами годами, скрываясь между светом и тенью, прежде чем решила предать своего отца.

Глава 2. Капкан

Переодевшись в более серые тона, накинув плащ-пелерину с капюшоном, без вычурных украшений и геральдики, но не в ущерб стилю, с перемётной сумой на плече я покинула здание резиденции наместника.

Найдя укромное место во внутреннем дворе, остановилась, переводя дыхание. Накатывало давление, наливало уши и глаза. Заполняло тяжестью в висках. Спрятав лицо за ладонями, замерла. Сосредоточилась на глухом мерном стуке топорика по разделочной колоде, доносившемся с нижнего этажа, где располагалась поварня.

Тук-тук.

Я фокусировалась на ритме. С каждым ударом он всё отчётливее и реальнее вытягивал меня из вязкого слоя обморочной пелены. Держать покров, как я его интуитивно назвала, для меня уже не было проблемой спустя годы практики. Но накладывать на предметы вокруг и цеплять им чужие умы было всё ещё более чем утомительно, иногда болезненно. Этот ватный кокон прострации рос где-то глубоко внутри, до тех пор, пока не превращался во что-то липкое и затягивающее. В эти моменты слабости я находила нечто вроде якоря, за который можно ухватиться и вернуться назад.

Тук.

– ...не вовремя? – послышался знакомый голосок.

– А?

Молодая служанка предстала передо мной, склонив голову:

– Прости. Увидела тебя из окна и решила подойти раньше.

– А́мми-Сии́ль, милая. – Я потянулась к её мягким щекам и прогладила аккуратно уложенные волосы. – Тебя бы я прождала хоть всю ночь!

– Госпожа Рил... – Она оглянулась по сторонам, не отстраняясь.

Я спустилась по её рукам и укрыла пальцы с едва приметными мозолями:

– Всё прошло хорошо?

– Да... Показала ему пергаменты с именем и приметами, а также выписку из ценза слуг. После он извинился и покинул это место. Подсадными были местные, их узнали, ничего серьёзного.

– Ты молодец, как всегда.

– Благодарю. Что будет дальше?

– Я развязала Аккарду руки своим откровением. И подтолкнула к необходимому развитию отношений с Мидерхой. Последуют частые приёмы, а во дворе то и дело начнут мелькать гонцы в знакомых тебе ливреях. Торговые караваны станут обыденностью, а не событием.

– Ублюдок продаст хоть полкоролевства ради своего спасения... Разве можно ему доверять?

– Стремления у нас отчасти совпадают. Так что он всего лишь должен быть уверен в успехе. А ты проследишь за тем, чтобы на пути союзного пакта не оставалось мелких препятствий. Прислуживая здесь.

– С этим именем?

– Оно тебе подходит, девочка.

Амми коротко поклонилась, пряча улыбку:

– Ладно. Раз ты так желаешь.

Я заметила Пан краем глаза. Моя новая подруга в пепельно-чёрном глухом плаще стояла на отдалении у задней калитки, за которой на улице разбегалась под посыпавшим дождём местная знать. Точно родовитые трутни. Демонстративно стянув глубокий капюшон, она явила уже привычную угрюмую гримасу, будто её заставили дерьмо вычищать из нужника.

– Для связи со мной и прочих задач используй людей Ога́уста, – продолжила я, стараясь не обделять вниманием Амми. – Веди дела только короткими письмами и золотом. Не пачкай свои маленькие ручки без нужды.

– Госпожа, ты же скоро вернёшься? – спросила она с надеждой, туже затягивая и заворачивая переданный мной мешочек с монетами в снятый фартук.

– Определённо! Наш друг в курсе, что я направляюсь на юг. Передам весточку, как будет время.

Мягко обняв, я коснулась губами её щеки, прежде чем уйти вместе с Па́нни вдоль промокшей улицы.

Ночные вертепы верхнего квартала аккурат соседствовали с меняльной палатой и капитанством городской стражи у рыночной площади. Быть может, при других обстоятельствах я бы надела маску и предалась утехам до самого рассвета в одном знакомом мне доме, где не задают лишних вопросов. Восточнее, в пятнадцати минутах ходьбы.

Но теперь всё нутро распирало от противоречия между досугом и моей целью в намеченном плане по спасению королевства. С острой досадой мной было принято решение отложить эту затею до следующего посещения Борго-Вааля.

– А я правильно понимаю, что ваше высочество и не планировала объяснять, кто та служанка на самом деле?

– Угу.

Каменные стены домов сжимали проулок в узкую расщелину.

– Это не... серьёзно, Лерилия. Мне нужно быть рядом. Контролировать, откуда придёт угроза.

– Ага.

– Мало того, что я последние три дня одна просидела в каком-то вонючем притоне, считая суда в порту, – она не сбавляла шаг, двигаясь чуть позади, – так теперь бесцельно преследую разного рода отребье по вечерам?

– Когда ты обращаешься ко мне так, у меня возникает стойкое ощущение, что я получу нож в спину. Кажется, за эти... Сколько ты со мной, не напомнишь? Недели две?

– Четыре.

– Точно! Думаю, я не раз просила оставить пустой политес. Друзья зовут меня Рил. Если ты желаешь дружить, то моё сердце открыто, милая. Если же хочешь только работать, так работай молча. Я лучше знаю, какая защита мне требуется, в свой час... Поэтому здесь ты, а не королевская стража.

– Не уверена, что вообще тут нужна, – выдавила девушка-воин.

– Не понимаю, – проговорила я с недоумением, остановившись у мощёного спуска к нижней части города. – Лучше было прозябать в этом проклятом Храме и делать вид, что ты там на своём месте? Разрушительное расточительство.

– Это опасные слова, принцесса.

– Как и я. – Выждав короткую паузу, продолжила: – Он ушёл в порт, дальше что?

Пан подняла взгляд к окнам. Накинула капюшон. Сделала глубокий вдох. Смиренный выдох:

– Зашёл в таверну. Заказал выпивки, закуски. Пока трактирщик отходил, что-то черканул в листочках тетрадки. Затем поднялся на второй этаж с жбаном в обнимку. Пятая комната по левую сторону.

– Что черканул?

Та пожала плечами.

– Ну да. Точно, – обронила я и двинулась дальше. – Значит, у нас есть цель. Записи. Твои предложения?

– Серьёзно? – Пан нагнала меня в два быстрых шага.

– Определённо.

– Спросить?

Я молча мотнула головой.

– Надавить? У нас власть, влияние. Сила, в конце концов.

– Спугнём кого покрупнее, – я прищурилась.

– Остаётся... слежка? Опять? Я не понимаю, что у тебя в голове, даже если бы хотела помочь. А я не хочу!

Мы притормозили за поворотом на набережной.

Под ногами начинался щербатый камень, забитый остатками водорослей. Вдоль берега тянулись почерневшие бревенчатые пирсы. На воде, скрипя швартовами, колыхались торговые суда. Их мачты отсюда казались голыми стволами погоревшего леса.

– Остановимся там же. Сегодня тебе делать ничего не нужно. Впрочем, как и мне. – Почувствовав пульсацию в виске, коснулась его. – Разве что там есть купальня... Как таверна называлась?

– Ольвская пена.

– Прекрасно!

От засаленных стен складов вплоть до скопления повозок и нескольких открытых заведений редкие фонари освещали масляным светом частички мороси в воздухе. Несло гнилью и солёной сыростью.

– Ты дочь короля, – не успокаивалась моя сообразительная подруга. – Хочешь остановиться в портовом трактире?

– Я могу быть тихой и совсем незаметной.

– С твоими-то манерами?

– Ну ладно. Во-первых, мало кто знает меня в лицо, в отличие от наследного принца. Да и выгляжу моложе положенного, – я улыбнулась, повернувшись к спутнице. – Для высшего света Атрима я остаюсь спесивой бродяжкой, путешествующей годами по миру, которая всё же может укусить. Остальные обычно не спешат наживать себе проблем, поверь мне. Плюс статуса дорогой синекуры на ножках прост: связываться со мной в итоге не осмеливаются ни те, ни другие.

– Охотно верю...

– Мы с тобой похожи, – заметила я. – Не соответствуем приписанной роли.

– Совсем нет. Я знаю, кем меня растили и кто я теперь...

– Ну да. Точно.

Я отрешённо кивнула, посматривая на крупный, слегка брюшистый корабль, возле которого крутились трое-четверо человек с тусклыми лучника́ми. Они давали указания портовым грузчикам; те с руганью закатывали по деревянным сходням одну из повозок на борт.

– А как же враги короны? Личные? – уточняла Пан.

– Для этого ты здесь, Капкан.

Поднявшись на приступку таверны, я сильно дёрнула за кованую скобу-ручку двери, украшенной поперёк фигурными жиковинами. Изнутри повеяло тёплым и сухим воздухом. Пан словно застыла на верхней ступени; готова была поклясться, что её левая рука легла на стальное навершие меча после таких резких слов. Не удостоив меня продолжением диалога, она зашла первой, окидывая взглядом помещение.

Я прикрыла мокрым капюшоном глаза, стряхнула скопившиеся капли дождя с оплечья и направилась внутрь, прямо к стойке. Оценивая общий колорит, стараясь не озираться по сторонам.

У выхода торчали двое дюжих мужиков, видимо, следящих за порядком. Каменный зал первого этажа вмещал с полдюжины столов с отдыхающими группами моряков и местных шлюх. У стен, за обособленными местами, по оловянным кубкам с вином и поблёскивающими

рядами мелких пуговиц на тугих пурпуэнах угадывались купцы. Подле, судя по простым свободным рубахам без аксессуарных излишков, помощники или конюхи, торопящиеся доесть похлёбку. Недалеко расположилась и горстка наёмников с островов: их выдавали характерный крой плащей-епанчей, узоры и разные фибулы, обозначающие принадлежность.

Слева разгорался широкий открытый очаг, сложенный из потемневшего речного камня. Внутри, на железных колосниках, с частым треском поленья занимались рыжим, дымным пламенем. Мимо него девушки в бежевых платьях с практичными корсажами то и дело сноровисто ныряли в низкий проём кухни, откуда пахло варевом. За ним, где-то среди кухонной утвари, выделялся своим ростом, заострёнными длинными ушами и белыми бровями один из китери. Он давал указания служке, и тот с готовностью подносил что-то из овощей.

– Доброй ночи вам. Можете занять места, за ширмой, коли будете чего. – Хозяин заведения, бегло оглядев наши фигуры, указал в сторону и поманил одну из работниц, возвращавшейся с пустым подносом.

Я опёрлась на стойку напротив содержателя таверны, переложив суму на край.

Следом подтянулась и Пан, снимая нарочито медленно отяжелевший дорожный плащ. Перекинутый через плечо плоский кожаный ранец был пристёгнут ремнями на боку. Силуэт ножен скрадывался под длинными, почти до колен, лепестками-клапанами плотного сукна боевого колета. Привычный, но недешёвый вид наёмного телохранителя.

– Сколько ног топчут доски этажей сегодня? Нам по душе уединение, знаешь. – Я освободила лоб.

Он всмотрелся в моё лицо. Чуть приблизился, но не настолько, чтобы это меня смутило. В его глазах явно заметались мысли, так и не сойдясь в одну. Огляделся.

Внимания на нашу беседу никто особо не обращал.

Трактирщик тронул затылок ладонью, свёл брови, сомневаясь в выводах:

– На третьем купцы да шкиперы расселились. На втором должно быть тихо... Разве что один заперся, прихватив жбанчик. Да семейная пара уже спит в дальней. Устроит ли вас? Однако же... векселя здесь не в ходу, знаете.

Я без лишнего стука положила перед ним три золотые монеты. Взяла грифель, который лежал с какими-то помятыми записями. Черканула на клочке адрес и двинула вперёд записку:

– Пошли человека вот сюда. Ему передадут вещи, там немного... Мы займём одну из комнат. Остальные считать как минимум до полудня тоже занятыми.

Мужчина благоговейно и торопливо принял дукаты:

– На этаже есть уютная отдельная омывальная, как раз напротив подходящей спальни. Я распоряжусь подготовить и наполнить бадейный чан сейчас же.

– О, это стоит обдумать. Скажи-ка лучше... – Я кивнула ему за спину, прежде чем закончить: – Давно у тебя нелюдь на побегушках?

– Гм. Несколько недель уж исправно работает, госпожа... Готовит чисто и вкусно. А по другим меркам стараюсь не оценивать.

– Чудно. Буду ожидать его стряпни, как омоюсь. Выдели одну толковую работницу для наших нужд. Также она сопроводит гостей в нужную сторону, если встретит в коридоре. Более никто не должен заходить на этаж.

– Конечно!

Я подняла взгляд к потолку, туда, куда уходил каменный выступ дымохода:

– Кроме прочего, пусть позаботится об одеждах. Постирать, высушить. В комнату без моего разрешения или моей дорогой спутницы не заходить. Милая, выпьем пока?

– Эля? – Пан, уже освободившись от плаща, сложила его и повернулась спиной. – Полпинты.

Вдоль её позвоночника блеснула окантовка накладок из выварenной кожи.

Мы двинулись в углубление зала, за деревянную ширму, скрывшую нас от пьяного гомона матросов. Сопроводив нас, трактирщик посеменил к помощникам.

Я уселась спиной к проходу на кухню:

– Тебе приходилось встречать китери?

– Я нечасто видела внешний мир за пределами стен Храма, встречала раз, но не то чтобы была возможность пообщаться, – она говорила тише, то и дело косившись туда. – Зато читала про них.

– Занимательные создания. Гонимые, но не сломленные. Чья вера не размывается фанатичными речами, а остаётся молчаливой, почти интимной гордостью. Правда? – Я пригубила безобразного на вкус напитка; тепло всё же разлилось по истощённому тяжёлым днём телу.

Она оглянулась. Говорить открыто о Храме или магии ей было не с кем. Кроме меня. Но магичка этого пока не понимала. Всё ещё старалась не дать коснуться себя настоящей.

Знала я о ней куда больше, чем она обо мне. Доверием и не пахло. Разве что... интерес?

– Сохранилось бы у них прежнее величие, а не остатки цивилизации, возможно, на нашем материке принцессой была бы не ты, а кто-то с белыми от рождения волосами, – парировала моя спутница, поглядывая в сторону кухни и проверяя, не долетают ли её слова до острых ушей вдали.

– О, это было бы занимательно. Знаешь, как тяжело быть королевской крови? Вся эта политика, деньги и похоть только сбивают душевное равновесие. Может, где-то в другой жизни я могла бы быть простой помощницей хозяина таверны. Вымывать полы да лавки ранним утром, стараясь не разбудить постояльцев.

– Прошу, скажи, что ты шутишь, – Пан свела чёрные брови.

Я поставила локти на стол, подпёрла подбородок и пристально посмотрела в глубокие карие глаза. С одного на другой. Она сделала пару неторопливых глотков, поправляя намокшие длинные рукава.

Скрываясь в тенях, я, бывало, наблюдала за детьми в Храме. В том числе за ней. Теперь уже взрослой девушкой. Боевым магом Короны Атрима, одной из первого поколения.

Ухмылка у неё неспешно ослабла. Храмовница будто ткнулась в невидимую стену, откинулась на обивку стула и обхватила себя руками, чуть поглаживая ладонями рёбра.

– Панни, милая. Кем ты хочешь быть? – спросила я.

Ладони замерли. Прямой, немигающий взгляд зацепился за мой. Дыхание замедлилось.

Служанки с тихим шарканьем подошв разносили подносы. Дюжина разномастных голосов в общем зале слилась в монотонное бормотание.

Тук.

Дрогнув, Пан моргнула. Очаг позади меня отчётливо стрельнул искрой, которая на мгновение отразилась яркой полоской в неестественно крупных зрачках. Она проследила за падающей искоркой. Коротко вдохнула ртом, словно собиралась что-то сказать, но сомкнула губы и поднялась из-за стола. Одна из работниц заведения вскоре подошла к ней и предложила проводить.

Я кивнула обеим. Затем сдунула упавшую на нос прядь, откинулась на спинку стула и сцепила пальцы на лбу.

Тук. Тук.

Глиняные кружки глухо стукнули о стойку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.